

18+

Владимир Кром

РЕДАКТОРЫ РЕАЛЬНОСТИ

Владимир Кром

Редакторы реальности

«Издательские решения»

Кром В.

Редакторы реальности / В. Кром — «Издательские решения»,

Что, если ваша жизнь — не ваш выбор, а чья-то рутинная работа? Что, если страх, который вы считаете своим, был посажен в вас, как вирус, искусственно, а момент истинного счастья облагается неподъемной пошлиной? В этом сборнике из пяти рассказов вы отправитесь за кулисы мира, где сознание — всего лишь податливый материал, а память — самая хрупкая и дорогая валюта.

© Кром В.

© Издательские решения

Содержание

Редактор чужой биографии	6
Контрабандист запрещённых воспоминаний	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Редакторы реальности

Владимир Кром

© Владимир Кром, 2026

ISBN 978-5-0069-7857-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Редактор чужой биографии

Когда мне впервые предложили редактировать чужие воспоминания, я рассмеялся.

— Это же смешно, — сказал я вербовщику, сухому мужчине в сером костюме, который сидел в моей кухне и пил чай без сахара. — Вы хотите сказать, что можно залезть человеку в голову и переписать его прошлое? Как текст в документе?

— Именно так, — ответил он. — С той лишь разницей, что документ после правки не пахнет типографской краской. Пациент будет клясться, что так и было. Всегда.

Я был психологом, специалистом по травме. Двадцать лет я выслушивал истории людей, которые не могли забыть. Которые просыпались в холодном поту от одного и того же кошмара, прокручивали в голове одни и те же секунды, пытаясь понять: а что, если бы тогда всё пошло иначе?

И тут выяснилось, что можно сделать так, чтобы тогда действительно пошло иначе.

Проект назывался «Биограф». Закрытое подразделение при институте нейрохирургии. Мы не лечили память — мы её переписывали. Технология позволяла не просто заблокировать травматическое воспоминание, а заменить его на другое, нейтральное или даже позитивное. Человек не забывал о катастрофе — он помнил, что в тот день просто проспал и никуда не поехал. И жил дальше.

Моей задачей было создать этот новый файл. Придумать альтернативную реальность, достаточно плотную, чтобы в ней можно было жить. Достаточно скучную, чтобы не вызывать подозрений. И главное — абсолютно правдоподобную.

Я стал профессиональным лжецом. Фальсификатором чужих судеб.

Первые два года были легкими. Мальчик, видевший гибель родителей — я подарил ему воспоминание о том, как они уехали в долгую командировку и забыли позвонить. Боль сменилась обидой. Обида прошла через полгода. Женщина, пережившая насилие — я поселил в её голове образ случайного прохожего, который помог ей донести сумки и исчез навсегда. Она перестала бояться мужчин.

Я чувствовал себя Богом. Я думал, что спасаю людей.

Я ошибался.

—

Случай номер 47 изменил всё.

Женщина, пятьдесят три года, вдова. Диагноз: посттравматическое расстройство после гибели мужа в автокатастрофе. Муж разбился десять лет назад, но она всё ещё плакала каждую ночь. Стандартный запрос: убрать боль. Сделать так, чтобы она его забыла.

Я начал работать с её архивом. Просматривал воспоминания, вычленил ключевые сцены — знакомство, свадьбу, рождение детей, совместные праздники. Обычно я просто стирал эмоциональную окраску или заменял партнера на абстрактную фигуру. Но здесь было что-то странное.

В каждом её воспоминании о муже была деталь, которая не складывалась.

На свадьбе он дарит ей кольцо, и на долю секунды в её памяти мелькает его рука — с татуировкой, которой у него быть не могло. В роддоме он держит ребенка, и на заднем плане висит календарь с не тем годом. В день их первой встречи на ней платье, которое она, судя по датам, купила через три года.

Я проверил снова. Ошибка системы? Сбой имплантации?

Я запросил оригинальные файлы — те воспоминания, с которыми она пришла в проект. Сравнил с тем, что хранилось в её мозгу сейчас. И похолодел.

Кто-то уже редактировал её биографию до меня.

Тот мужчина, по которому она плакала десять лет, — не был её мужем. Она вообще никогда не выходила замуж. В оригинальных файлах была одинокая женщина, психолог по образованию, которая добровольно пришла в проект десять лет назад — как сотрудник.

Я поднял её личное дело. Она работала в «Биографе» на той же должности, что и я. Редактором. Специалистом по замене памяти.

Исходная травма, которую ей стерли при вступлении в проект, была связана с её собственной работой. Она не выдержала груза чужих жизней. Она хотела уйти. Ей не дали. Ей просто стерли этот конфликт и вставили другую жизнь — счастливую, с мужем и детьми, которой никогда не было.

А потом муж «погиб», чтобы она снова пришла к нам за помощью. Чтобы мы снова могли войти в её голову. Чтобы цикл замкнулся.

Я сидел и смотрел в экран. Десять лет она жила в чужой биографии. Плакала по человеку, которого не существовало. Любила детей, которых не рожала. И каждую ночь её сердце разрывалось от потери, которую мы же и запрограммировали, чтобы она возвращалась за новой дозой забытья.

Мы не лечили людей. Мы создавали им зависимость. Вечный двигатель боли и облегчения. Стирали одно — вставляли другое. И так до бесконечности.

—

Я не пошел к начальству. Я пошел к ней.

Она жила одна в маленькой квартире на окраине. На стенах висели фотографии — муж, дети, счастливые моменты. Ни одного реального лица.

Я сел напротив неё и спросил:

— Вы помните, кем работали десять лет назад?

Она посмотрела на меня с недоумением.

— Я была домохозяйкой. Потом муж погиб, и я...

— Нет, — перебил я. — Попробуйте вспомнить глубже. До замужества. Где вы учились?

Она наморщила лоб. Задумалась. И вдруг её лицо исказилось — так искажается экран, когда процессор не справляется с нагрузкой.

— Я... я не знаю. Там что-то есть. Какая-то комната. Много экранов. Я сижу и... пишу.

— Что вы пишете?

— Истории, — прошептала она. — Я пишу чужие истории. И мне... мне очень страшно. Я не хочу туда возвращаться.

Я смотрел на неё и понимал: её исходная память никуда не делась. Она просто была заблокирована, похоронена под слоями искусственных воспоминаний. Но травма, от которой её лечили десять лет назад, всё ещё была там. И сейчас она прорывалась наружу.

— Вас зовут Ирина, — сказал я. — Вы психолог. Вы пришли в проект добровольно, потому что хотели помогать людям. Но оказалось, что вы помогаете системе создавать вечных пациентов. Вы захотели уйти — и вам стерли это желание. Вам стерли вашу жизнь.

Она молчала. Слезы текли по щекам, но она не всхлипывала. Казалось, она даже не замечала их.

— Зачем вы мне это говорите? — спросила она наконец.

— Потому что я на той же должности, что были вы. И я тоже начинаю хотеть уйти.

—

Мы сидели до глубокой ночи. Я рассказывал ей то, что узнал. Она пыталась вспомнить — и с каждым словом её лицо менялось. Слой за слоем искусственная биография осыпалась, обнажая ту, настоящую женщину, которую похоронили заживо десять лет назад.

К утру она вспомнила всё.

Свою защиту диссертации. Свой первый день в проекте. Момент, когда она поняла, что мы не лечим, а калечим. Свой разговор с начальником. И потом — пустоту. Десять лет пустоты, заполненной любовью к фантому.

Она встала, подошла к окну и долго смотрела на улицу.

— Знаешь, что самое страшное? — сказала она, не оборачиваясь. — Я скучаю по ним. По этим детям, по этому мужчине. Я знаю, что их нет. Я знаю, что всё это — ложь, вшитая мне в голову. Но я люблю их. Я десять лет их любила. Эту любовь не стереть.

— Можно стереть всё, — ответил я.

— Нельзя, — она обернулась. — Потому что тогда не останется ничего. Ты предлагаешь мне снова стать пустой? Снова ждать, пока мне сошьют новую жизнь?

Я молчал.

— Они не зря оставляют травму, — продолжила она. — Травма — это якорь. Это то, за что мы держимся, чтобы не улететь в выдуманный мир. Если убрать боль, человек поверит во что угодно. В любую сказку. Они это поняли раньше нас.

—

Я ушел от неё на рассвете. На следующий день подал заявление об уходе.

Меня вызвал начальник, тот самый сухой мужчина в сером. Он молча выслушал, потом открыл ящик стола и положил передо мной папку.

— Ознакомьтесь.

Я открыл. Это была моя собственная биография. Подлинная. Та, которую я не помнил.

Я пришел в проект не три года назад, как думал. Я пришел двенадцать лет назад. Я прошел тот же путь, что и Ирина. Я тоже хотел уйти. Мне тоже стерли память. Трижды.

Каждый раз, когда я приближался к правде, мне давали новую жизнь. Новую жену. Новых детей. Новые травмы, чтобы я снова приходил за лечением. И каждый раз я начинал работать заново — редактировать чужие биографии, не подозревая, что моя собственная — сплошной черновик.

— Вы хороший редактор, — сказал начальник. — Лучший. Поэтому мы не можем вас потерять. Решайте сами: хотите получить свежую версию? Мы подберем вам что-нибудь приятное. Или можете оставить всё как есть и продолжать работу. Но знайте: выход один — в новую память. Другого не дано.

Я закрыл папку и посмотрел на него.

— А если я выберу правду?

— Правду о чем? — он усмехнулся. — Вы не знаете, кто вы. Никто не знает. Каждый из нас — редактор чужой биографии и персонаж своей собственной, которую пишут другие. Выбирайте любовь. Они все одинаково ненастоящие.

Я вышел из кабинета и долго бродил по городу. Смотрел на прохожих и думал: сколько из них живут в своей памяти, а сколько — в чужой? Сколько знают, что их детство — фабрика, юность — монтаж, а первая любовь — спецэффект?

Ирина ждала меня у моего подъезда.

— Ну что? — спросила она. — Выбрал?

Я посмотрел на неё. Настоящую? Или очередную версию, вставленную мне в голову, чтобы я не чувствовал одиночества?

— Я выбрал не знать, — ответил я. — Я выбрал помнить, что могу не знать. Это единственное, что у меня осталось.

Она кивнула.

— Значит, будешь жить с этим?

— Буду жить.

Мы вошли в подъезд, поднялись на мой этаж. Я открыл дверь квартиры, где, по моей текущей версии памяти, жил один. На стене висела фотография женщины, которую я считал своей покойной женой.

Я взял её в руки и долго всматривался в лицо. Красивая. Добрая. Выдуманная.

— Скучаешь? — спросила Ирина.

— Скучаю, — ответил я. И это была единственная эмоция, в подлинности которой я не сомневался.

Контрабандист запрещённых воспоминаний

Меня зовут Лео, и я контрабандист.

Это не самая почётная профессия в мире, но в мире, где память стала валютой, а воспоминания — товаром, контрабанда оказалась единственным способом остаться человеком.

Официально я числюсь сотрудником архива Института чистой памяти. У меня есть пропуск, униформа и доступ к хранилищам категории «С». Там лежат воспоминания, признанные «социально безопасными»: чужие дни рождения, чужие свадьбы, чужие отпуска на морях. Всё, что можно перераспределять между гражданами, не вызывая вопросов.

Неофициально я работаю на подполье. Я ворую то, что Институт называет «запрещёнными воспоминаниями» и уничтожает принудительно.

Боль. Травму. Потерю. Страх. Горе.

Всё, что делает человека человеком.

—

Система появилась тридцать лет назад, после Великой эпидемии депрессий. Тогда полмира сошло с ума от накопленной боли. Люди не выдерживали груза собственных воспоминаний — и психика ломалась. Правительства нашли простое решение: запретить боль.

Технология очистки памяти была объявлена спасением человечества. Каждому гражданину при рождении вживляли нейрофильтр, который автоматически отсеивал травматические воспоминания. Всё, что могло причинить страдание, отправлялось в карантин, анализировалось и, если признавалось опасным, уничтожалось.

Люди перестали страдать. Они перестали плакать на похоронах, перестали просыпаться в холодном поту, перестали бояться темноты и одиночества. Они стали чистыми. Ровными. Удобными.

Но они перестали и любить.

Потому что любовь без страха потерять — это не любовь. Это сделка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.